

ИВАН МОРДВИНКИН

РАСКАЗ

ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОГО ЧТЕНИЯ

Эуа!

Иван Александрович Мордвинкин

Эуа!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70606786

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ о простом духовном зрении, которого мы намеренно лишаемся, вводя себя в обман. И о том, на чем это зрение бывает сосредоточено. Но, вообще, это легкая и романтическая история о дружбе и любви.

Содержание

1. Этот свет	4
2. Тот свет	10
3. Смотрю	18
4. Вижу	28
5. Знаю	42
6. Чувствую	53

Иван Мордвинкин

Эуа!

1. Этот свет

На дне «пропасти» лежал хороший асфальт. Он ровно, как бумага под светом настольной лампы, блестел под фарами бегущих автомобилей, казавшихся отсюда крошечными. Игрушечные машинки людей, увлечённых своими игрушечными жизнями.

Стас вскарабкался ещё на несколько «шагов». Уже с трудом: взбираться по наклонной балке оказалось нелегко.

Стас не был самоубийцей.

Никогда бы не пошёл на что-то такое.

Теперь он, правда, попал в дурацкое положение: даже здесь, на границе между жизнью и вероятной смертью, он всё ещё осознавал себя бессмысленным. Но возвращаться назад уже не мог. И поэтому, глупой птицей завис посередине между шагом в никуда и отступлением назад. Тоже в никуда.

Кости брошены, но они пусты.

Тёмно-синий ночной мир светился вокруг жёлтыми кругами фар и квадратами окон спального района, красными буквами реклам и вывесок вдоль дороги. А сверху его ночником накрывал чёрный купол, бледно мерцающий точками звёзд, похожих на дырочки в потолке старой палатки.

И больше ничего.

Стас сделал ещё рывок, надеясь, наконец, добраться до самой верхушки мостовой конструкции. Он уже не понимал, что больше его подводит: то ли слишком быстро уставшие ноги, то ли истёртые кромкой швеллера ладони, то ли сердечная мышца, усиленно потребляющая кислород.

Но вперёд не получалось.

Назад тоже.

Кричать было некому. Да он и не стал бы кричать.

Нигде и никто его не ждал.

Дома его не ждал отец, заблудившийся в своих бумажных

кабинетных лабиринтах и сложных мыслительных построениях. При нём Стас чаще молчал, чем говорил. Потому что тот всё равно ничего не отвечал или отчуждённо оценивал сказанное, бесстрастно и равнодушно, как закадровый голос в кино. А на простую болтовню с шутками он вообще отзывался типовой фразой: «Глупая глупость!» И Стас не болтал с ним. А значит, не жил с ним в одном мире.

Маму отец тоже оттолкнул от себя. И она сжалась, отшатнулась от того, кто сам от неё отшатнулся. И спряталась за стенами из книг. От всего и всех, включая Стаса. И она тоже его не ждала, хотя и не знала об этом, наверное.

Ещё его не ждали чужие люди в их дорогом доме, обслуга, соседи. Случайные кадры из скучного кино, самым близким из которых был бездомный старик, вечно дремлющий у врат охраняемого посёлка.

Был ещё заочный институт с проходящими на дом репетиторами, зачёты через интернет. В соцсетях были «друзья». И если Стас исчезал из чатов, самые близкие из них беспокоились о нём в сообщениях целый день.

Но редко дольше двух.

И он решил рискнуть – уйти куда-нибудь, чтобы быть за-

меченным. Бросить кости так, чтобы по их точкам уже определить свой путь. Глупость, конечно.

Ему уже шёл двадцать второй год, и он должен был смотреть вперёд с уверенностью и пониманием, а не устраивать подростковые демарши. И стыдливое осознание этой простой вещи тоже не пускало его назад.

Он и сам теперь не знал, почему полез вверх, на ограждение моста автомобильной развязки. Наверное, хотел отогнуть краешек дырявого палаточного потолка, чтобы глянуть на Бога, о Котором охотно рассуждала мама, и о Котором отец, слушая её, молчал. Но, внимательно.

Бог милостив и разумен. И, говорят, Он любит людей и всё Собой наполняет, обо всём печётся. Значит, Он не даст Стасу погибнуть, а чудом спустит его на землю и, наконец, обратит на него внимание.

Если же вернуться сейчас, сдавшимися, то в душе уже не будет этой иллюзии. А только беспредельное одиночество.

Стас ещё рванулся вверх, к звёздам. Но кроссовки заскользили вниз, к мелькающим фарамам машин, возвращая его от небесных огоньков к земным, рукотворным, в мир людей. И эта потеря контроля обнажила его уязвимость. Ему уже не

казалась, что он бросил вызов всему миру. Скорей происходящее напоминало сон, в котором всё течёт само по себе. И если ты наверху, то неизменно тянет вниз с края какой-нибудь крыши, предусмотренной сюжетом сна. И, когда, наконец, падаешь, то просыпаешься.

Он порывисто «взглянул» на Бога душой, на что-то живое в темноте своего воображения.

Он так молился.

И только здесь и сейчас понял, что бросая этот нелепый, детский «вызов» Богу, он восстаёт против своего старика-отца. А протестуя против отца, неизбежно отторгается от Бога. Не зря, всё-таки в библейской заповеди сказано о родителях то, что сказано.

«Господи, помоги мне! Я хочу жить или умереть. Но по-настоящему!»

Следующий рывок был скорей безумной и отчаянной попыткой проснуться там, где сценарий сна этого не предусматривал.

Самое яркое ощущение, которое он запомнил – разжимание ослабевших пальцев против воли. Холодное, гладкое же-

лезе и болезненно острая кромка. И ещё щекотание в подошвах ног, скользящих по ржавчине на большой высоте и не желающих прилипнуть кроссовками к этому железу.

Когда он сорвался в невесомость, он не успел испугаться или осознать что-то значительное. Одна только мысль промелькнула в его голове: «Глупая глупость!».

Внизу он уже не видел ничего, ни фар, ни асфальта, ни небесного купола, усеянного тусклыми точками. Как будто провалился в глубокую фазу сна.

2. Тот свет

Очнулся он уже в другом мире. Правда, всё тем же Стасом, всё в том же городе. Но, что-то изменилось.

Во-первых, декорации: он лежал в комнатке из фильмов про больницу. Остро болела голова и вся левая часть тела. Глаза открылись с сопротивлением и тут же сонно отяжелели, потому что фильм про больницу неприятно замелькал кадрами, как на поломанном старом телевизоре. Даже затошнило.

Во-вторых, он не умер. Значит, он дотронулся до неба, и его оттуда толкнули вниз. Правда, было непонятно – его спасли или выбросили вон.

Рядом закрутилась медсестра в халате цвета морской волны. Стас глянул сквозь головокружение – взрослая женщина старше тридцати, улыбается глазами, из-под «поварского» колпака вздрагивают пружинки до-желта высветленных волос.

– Живой, тыква? – спросила она с дружеским смешком.

– М-м, – ответил Стас, как в сонном параличе тем един-

ственным «словом», какое смог произнести. Ум догнал позже, хотя и не полностью: – Что? Я живой. Что я? Со мной?

– Тыковку разбил, – опять хихикнула она, копошась со своим тонометром. – Голову. Мы тебе её заштопали, но придётся теперь потерпеть. Плюс, переломчики: два рёбра слева и лучевая на левой руке. Но, жить будешь.

– Я знаю, – ответил Стас зачем-то и сощурился, пытаюсь приловчиться смотреть на мир через неплотно сжатые веки. Медсестра отпустила тонометр, тот облегчённо выдохнул, и правая Стасова рука почувствовала освобождение. – Я упал что ли?

– Да! На автобус. Крышу прогнул. Крепкая же у тебя голова! Теперь, правда, это бритая тыква.

– Тыква? – Стас медленно соображал. Он, как в тумане, неуверенно ощупал здоровой рукой всплошную забинтованную голову, но бритость «тыквы» так и не ощутил – шевеленье отдалось болью в рёбрах. Пришлось лечь в позу караульного, «стоящего» на посту лёжа. – Я мумия, а не тыква.

– Ничего, через месяцок вернётесь к обычной жизни, – она поднялась, чтобы уйти. – Что-нибудь хотите?

– Что-нибудь? – задумался он. – У меня уже есть что-нибудь. Я бы хотел чего-то более чёткого.

– Тогда, сок, – усмехнулась медсестра и ушла за соком.

«Тогда сок», – подумал Стас и заснул.

Через две недели забытья, довалявшись до ватной бессонницы и спутанности мыслей, он выбрался во двор больницы. Спину ломило от постоянного лежания, а ум – от дремотного молчания.

Стас уселся на скамейку в тени старой сосны и вскользь оглядел окружающее. После двух недель лежания в постели оно походило на сновидение.

Больница в два этажа. Как говорила медсестра, которую, кстати, звали Ириной, это здание с испанским двориком в виде русской буквы «П». Дорожки из плитки. Клумбы из цветов. Забор с решётками. Деревья с листьями.

Во дворике прогуливаются пациенты. У каждого что-нибудь перебинтовано. Лица мрачные, жёлтые, глаза с просонка пустые, измученные пересыпом и больничным безмыслием.

Недалеко от Стаса старушка в инвалидном кресле. То же с перебинтованной головой, как и он. Сидит косо, уклонившись влево, согнулась вопросительным знаком. Пустой взгляд упёрся в тротуар. Рядом с нею Ирина.

– Что с ней? – спросил Стас, глядя, как старушка по кругу переводит взгляд с одной плитки на другую. При том, когда она доходила до низа воображаемого круга, по её печальному лицу пробегала тень улыбки. Когда же она видела «верх», то глаза её немного раздавались удивлением, как от внезапного испуга.

– Такое бывает, удалили опухоль в мозгу. Немного продлили жизнь, но её качество снизилось, – она горько причмокнула, поднялась и покатила коляску обратно в корпус.

А Стас остался один со своими мыслями, рассуждая о возможностях мозга. Ведь, будь эта старушка счастлива ввиду болезни, было бы это правильно? И, когда счастлив здоровый человек, поддавшийся, однако, иллюзиям, это не одно ли и то же?

Потом его понесло сквозняком фантазии в суперспособности, которые, как говорят, мог бы подавать мозг. От этих мыслей он стал зевать до слёз и заскучал. Даже потянуло об-

ратно в палату с клетчатым потолком и параллельно-перпендикулярным дизайном.

Через полчаса послеобеденной тишины Ирина прикатила другую коляску. Сидящая в ней девушка тоже была «тыквой». Только, в отличие от Стаса, у неё было перемотано ещё и всё лицо – глаза, уши. А на губах наклеены пластыри. Ирина предложила ей посидеть без присмотра, потому что должна была бежать ещё куда-то. Та согласилась:

– Аа! – сказала она и добавила: – Не шбэгу!

Ирина рассмеялась, сжала и потрясла её ладонь с благодарностью и каким-то дружеским умилением и быстрым шагом вернулась в здание.

Девушка отдалась «моциону»: несколько раз с наслаждением глубоко вдохнула и медленно и шумно выдохнула. Потом нащупала в кресле сбоку от себя коробочку сока, поправила трубочку и, морщась от боли, присосалась к ней.

Её положение было ещё худшим, чем то, в которое угодил Стас. Но ему и на душу не пришло сочувствовать ей. Просто потому, что он никогда не ощущал себя настолько независимым и отдельным от окружающего мира, чтобы аж иметь право судить этот мир, сочувствовать кому-то в нём. А зна-

чит, наверное, и назначать виноватых. И дальше – как-то пытаться исправить, помочь. Может даже пожертвовать собой.

И он всегда смотрел на мир вокруг, как зритель, от которого ничего не зависит. Можно только смотреть ничего не видя. И в этом вся жизнь.

На другой день девушку выкатила Иринина сменщица – здоровенная женщина с большими сильными руками. Возрастом она была близка к Ирине, но все называли её по имени-отчеству Валентиной Павловной. Стасу она напоминала домохозяйку из советского мультика про Карлсона, который в детстве навязывала ему мама. Только моложе, с ярко-красной помадой на губах и чёрными, не настоящими бровями.

Валентина Павловна «поддержала» невидящую больную минут десять и укатила обратно.

В Ирину смену девчонке везло больше, ей позволяли дышать на свежем воздухе от обеда до самого ужина. Ирина только забегала к ней время от времени, они обменивались шутками и хохотали. Интересно, что она как-то понимала исковерканные слова этой больной.

Стас тоже заметил некоторые словечки. Например, ко-

гда девушка соглашалась, она говорила «Аа» вместо «Ага». А когда ей было смешно, она стонала «Эха-аа-оа!» вместо «Ах-ха-ха!» А смешно ей было часто. Почти всё время.

В один из дней Ирина оставила несчастную слишком близко возле Стаса, вплотную. И, хуже того, кивнула ему со словами: «Присмотрите, если что!» И Стас почувствовал себя насильно привязанным к скамейке строгими запрещающими верёвками. Теперь не уйти. И ещё это «если что». Какой смысл Ирина вкладывала в эту фразу? Если девушка вдруг умрёт? Если ей станет плохо? Если она... что?

Стас даже внимательнее обежал глазами парк, пытаясь подобрать более уединённую скамеечку для завтрашней прогулки. А то, мало ли, вдруг завтра опять «Если что».

Между тем девушка, как обычно, подышала во все лёгкие, снова потянулась к коробке с соком. Но, к несчастью Стаса, трубочка из коробки не торчала. Девушка беспомощно ощущала упаковку, потом место возле своей ноги, где лежал сок. Но трубочки не нашла.

«Если что!» – подумал Стас. – «Это уже оно? Или она справится?». Ему захотелось сбежать, чтобы никто, окажи он помощь как-нибудь неуклюже или неуместно, не выдал ему приговор, охлаждающий любые порывы: «Глупый глу-

пец!»

Он даже не удержался и вздохнул громче обыкновенного. И в этот предательский момент увидел, что трубочка, гигиенично запаянная в прямоугольник полиэтилена, торчит между металлической дугой подручника и дерматиновой обшивкой её инвалидного кресла. Торчит, смотрит на Стаса своим торцом, как одноглазая змея, и шепчет ему в серёдку души: «Если что! Если что!».

Стас оглянулся кругом – по парку то там, то здесь гуляли «тыквы» и их посетители. И казалось, все они пялятся на него и думают, что он жестокий эгоист, не способный ни на что.

Потому, что глупый.

Как на зло, девушка тоже уставилась прямо на него, хотя глаза её точно были забинтованы плотно и непроницаемо для света. От её «взгляда» по Стасовой спине даже пробежали мурашки оцепенения. Так всё это напоминало сцену из фильма ужасов или жутких ночных кошмаров.

Он опять вспомнил о суперспособностях мозга, вздрогнул и отшатнулся: она смотрела прямо в его душу.

3. Смотрю

Девушка пристально упёрлась в Стаса пугающим «взглядом» своих бинтов, и он, наконец, попробовал отклониться в сторону, чтобы сдвинуться с линии её «обзора». Бинты остались на месте, «мумия» не следила за ним.

Он усмехнулся своей мнительности, решительно подвинулся на край скамьи, выдернул трубочку из щели, распаковал и протянул несчастной:

– Вы трубочку ищите? Вот она, – сказал он. Получилось это довольно легко, сам даже удивился. Может потому, что лица девчонки он почти не видел, по крайней мере её глаза были прикрыты полностью. И определить её красоту не получалось. Это очень облегчало его душу, потому что Стас боялся красивых девушек. Они, избалованные всеобщим восхищением, часто бывали надменными, как ему казалось, и могли видеть его насквозь. Желая того или не желая, но давя изящными пальцами на открытую ранку в его самооценке.

Девушка хихикнула и замахала ручкой в воздухе, пытаясь уловить трубочку:

– Эха-аа-оа! – рассмеялась она. – Айтэ мэ уку.

Участок мозга в его «тыкве», отвечающий за обработку речи выдал «еггог», но, к своему удивлению, какой-то иной интуицией он уловил суть её фразы. Это было что-то вроде «Дайте мне руку» или «Дайте мне в руку».

Краснея от мысли, что всё-таки протупил, он ткнулся в её тонкие пальчики. Она ловко ощупала кисть его руки, составила о ней трёхмерное представление, взяла трубочку и поблагодарила:

– Ахыба!

Дальше она действовала самостоятельно и время от времени едва заметно улыбалась своим мыслям, а Стас с облегчением откинулся на спинку лавочки. И только сейчас понял, что его спина вспотела от волнения, как на очном экзамене по тригонометрии. Надо же! Легче было бы залезть на тот громадный подъёмный мост, что пропускает под собой морские суда, и спрыгнуть оттуда в Дон, чем просто подать трубочку несчастной слепой девчонке.

– Ы гдэхь? – спросила девушка. Стас перевёл сам себе как «Вы здесь?»

– Да, я здесь! Что-то случилось? Чем-то помочь? – засу-

етился он, обежав внимательным взглядом её бритую голову, свежие бинты, пластырь на губах, тёмное платье, тонкие руки, длинные пальцы. Потом коляску, её колеса, подножку, босые ступни. Все это он осмотрел мгновенно, с той скоростью, с которой человек обыкновенно успевает вдохнуть, произнося неожиданное «Ах!»

– Гогете вэ аххкахать, хо хитите? – сказала она, болезненно улыбаясь, но не умея сдерживать улыбку.

– Рассказать, что вижу? – на всякий случай переспросил Стас. Девушка кивнула.

Стас по дуге окинул окружающее рассеянным взглядом и насколько мог подробно перечислил всё, что увидел:

– Мы в парке. Тут деревья и... – он задумался, усиленно крутя шестерёнки воображения, чтобы не казаться таким уж глупым. – Они растут из земли. И есть тротуары. Они лежат.

– Эхааао-ха! – рассмеялась девушка, даже прикрывая рот рукой. Но Стас успел увидеть, что её темно-лиловый язык косо перчеркнут почти чёрным шрамом, разграниченным, как линейка, поперечными чёрточками. Швами.

– Фмотвите и флуфайте фниматина, – посоветовала она.

Стас всмотрелся и вслушался внимательно, но ничего, помимо перечисленного, не увидел.

– Есть ещё забор. Он из кирпичей и железных прутьев.

– Адно. Хахие февья эсть?

– Какие деревья есть? – Стас взгляделся в насаждения. – Здесь справа большая сосна. У неё тень, и поэтому я сижу здесь. Дальше две берёзы, какие-то кустарники, но они не зелёные, а розовые. Цветут. Остальные деревья, наверное, акации. Очень большие и на них огромные колючки.

– Ого! Хвафиво! – усмехнулась она. – А фто ефё?

– Много всего, – сам себе удивился Стас. – Небо, облака. Деревья, они тоже... все разные. Как я это передам? Трава...

– Эхааао-ха! – рассмеялась она снова. – Фы утифлены?

– Да... Удивлён. Никогда не всматривался, – усмехнулся Стас. Он подал ей вновь потерянную трубочку, и они снова соприкоснулись пальцами рук.

– Эуа, – сказала она и потрясла его руку в неловком руко-

пожати за кончики пальцев.

– Эуа? – переспросил он.

– Та! Афам и Эуа.

– А! Ева! – догадался Стас, позволяя ей не выпускать своей ладони. – А я Станислав.

– Тау-ау, – повторила она на «своём наречии».

– Да, – улыбнулся он впервые за весь больничный период. Хотя, пожалуй, если припоминать тёплые улыбки, может быть, впервые за целые годы. – Тау-ау!

С тех пор каждый день сживали они в этой тени, срастаясь душами. Потому, как видеть своими глазами Ева не могла, а глядела глазами Стаса. Зато он, не умея смеяться всякой ерунде, грелся её смехом. И, как ни странно, будто просыпался от этого, и в настройках его внимания повышалось разрешение и детализация. Как будто в видеокarte, наконец, обновились драйвера.

И вот что было интересно: окружающее Стас увидел только, когда описал его Еве.

Теперь он знал, что больница обложена жёлтым и коричневым кирпичом, а в вечерних сумерках кажется, что чёрным и зелёным.

Ещё он знал, что в парке двадцать восемь деревьев. Что акации едва начинают цвести, и что их соцветия белы только издали. Вблизи же они имеют глубокий оттенок перламутра. И большой вопрос, как описать исходящий от них густой, дурманящий душу аромат, от которого хочется любить всё. Включая забор из кирпичей и тротуар, который лежит.

Ева хохотала. Она смеялась над всем, что хоть как-то казалось ей забавным. Поначалу Стас даже подумывал, не повреждён ли её мозг: в автоаварии ей сильно досталось. Операция, трепанция, реанимация... Потом абсцесс, повторный ад в операционной.

Но он старался об этом не думать. Как и раньше, он умел чувствовать только собственную боль. Именно поэтому Стас избегал дурных опасений относительно Евы – теперь она была частью его внутреннего мира. Почти частью его души.

И в дни, когда дежурила Валентина Павловна, Стас одиноко бродил по парку, внимательно всматриваясь в окружающее пробудившимися глазами и описывал сам себе всё, что видел: кованую изгородь, со сложными завитками, гру-

бо треснувший ствол дерева, суетливых белок в верхушках крон, благородных голубей на крышах, тонких ласточек под выступами кровель.

Он всё ещё не мог описать траву, казавшуюся ему особой бескрайней вселенной внутри обыкновенного мира. Каждая травинка выглядела уникальной, и под каждой мелкой порослью лежала ещё меньшая, и так до самых невидимых основ. И меж них, как между деревьев, бродили почти сказочные существа – огромные, если сравнивать с «деревьями», неповоротливые или наоборот, юркие, подвижные: насекомые. По-своему страшные и по-своему прекрасные. Как люди.

Мало-помалу Ева осваивала человеческое «наречие», и разговаривать с нею становилось всё легче.

Он молча катал её по тенистым дорожкам парка, чтобы она могла уловить звуки жизни: чирканье и посвистывание весенних птиц, порывистый шум ветра в листве, гудение машин автострады за забором, смех и лепетание детворы на детской площадке.

И, с разрешения Ирины, он частенько катал и ту больную старушку, которую оставляли у его любимой скамейки. Стасик заметил радость в её глазах: всякий раз, когда Ирина тол-

кала её коляску, и рисунок тротуарной дорожки менялся перед взором «спящей», глаза её вспыхивали восторгом. И не важно, что эта радость происходила от болезни, от разрушения мозга. В конце концов, большинство человеческих радостей, всего лишь самообман. А значит, что-то надуманное, вымышленное, что-то из неверно работающей головы. А то и от тоже разрушения мозга или даже души.

А Стасова голова по-своему перевернула его душу – он, наоборот, радости не испытывал никогда. И это тоже было следствием самообмана.

И Стас чувствовал, что понимает эту несчастную умирающую женщину. И от этого понимания его собственная боль шевелилась иглою в сердце, и он уже старался хоть чем-то помочь своей невольной соболезнице.

Пусть бы его и назвали глупцом. Плевать.

Пристальное разглядывание мира вокруг стало для Стаса насущной необходимостью, потому что его внимание до этого поглощалось только лицезрением себя. А это тоже, что пялиться в темноту и надеяться увидеть в ней шедевр живописи.

Теперь же он отдавался внешнему.

Больничный двор, залитый жёлтым солнечным светом, восхищал его. Листва акации – холодная, почти синеватая в пасмурные дни, на солнце пылала нежными салатовыми оттенками. Эта метаморфоза удивлял Стаса и наводила на мысль о ложности выводов, которые делает мозг, глядя в окружающее.

И Стас старался отдаваться лицемерию безмысленно, без выводов и рассуждений. И тогда его нервы или, может, душа, глядели вокруг с удивлением и каким-то горячим внутренним переживанием.

Он так увлёкся поглощением всего открывающегося перед ним, что, уступая путь какому-то больному на входе в хирургию, неуклюже наступил мимо ступеньки. На мгновение снова почувствовал невесомость, которая ярко закончилась острой болью в груди – он упал лицом вниз на газон. Ирония в том, что он жёстко саданулся поломанными рёбрами о парапет клумбы, созданный для того, чтобы защищать людей от падения на эту клумбу.

И он громко вскрикнул, согнулся в позу эмбриона, с ужасом ожидающего своего рождения, и, сжав зубы, с рычанием застонал.

Наверное, Бог снова сбросил его с неба на землю. В мир насекомых.

4. Вижу

Обезболивающее долго бродило по сосудам, проникая в вены и устремляясь к мозгу. Оно не имело своей воли и действовало беспристрастно, как скрипт компьютерной программы. А Стас свою волю имел. И всю её он собрал в единый нервный сгусток, чтобы не стонать. Тем более, что по цепочке человеческих слов и новостей, об этой беде сразу же узнала Ева. Ирина прикатила её в Стасову палату с его разрешения, и девушка теперь сидела рядом, глядя в свои бинты и воображение, и держала Стаса за руку, не зная, чем ещё можно облегчить его страдание.

Ирина принесла свежий рентгеновский снимок и поздравила с отсутствием переломов.

Стало легче.

А когда функция, объявленная скриптом-обезболивающим применила все параметры к переменным в его нервной системе, Стас вздохнул с облегчением – боль утихла.

– Боли не суффеует, – смешно заключила Ева. – Это всё нервы! Мосх обманссик!

И рассмеялась.

А Стас лежал в серой, квадратно-кубической коробочке больничной палаты, весь избитый, изломанный и... счастливый. Если «Ева» была рядом, то, конечно, боль можно было считать несколько надуманной.

– Бог снова меня сбросил с небес на землю, – усмехнулся он, так и не выпустив её пальцев из своей руки.

Конечно, он не мог влюбиться в девчонку без лица, хотя это и парадоксально для самой идеи любви. Но вполне обычно для человека. Зато он полюбил её, как часть своего сознания. Или даже своего сердца.

Лучшую его часть.

– Нет! – улынулась Ева в темноту вымысла, с которым сейчас разговаривала. – Ты прифык смотреть на себя. И Он тебя разбудил. Но теперь ты прифыкаешь смотреть на мир. И засыпаешь другим сном. Хотя и красивым. Помни, что мир во зле лезит!

– И Бог снова меня пробуждает вот так, через боль? Это же... жестоко!

– Нет, – улыбнулась Ева. – Не жестоко. Лекарства не имеют жестокости. Они только лежат.

– А ты? Ты даже не видишь этот мир.

– Да, не вижу. Я слишком увлеклась восхищением, – она, как сонный ребёнок, потёрла обеими руками бинты в области глаз и рассмеялась. – А теперь я как будто сплю всё фре-мя. И могу видеть себя, наконец.

– То нельзя пристально смотреть на себя, и нужно смотреть на мир. То нельзя смотреть на мир, а надо разобраться в себе. Куда смотреть-то?

– И ты, и мир – пустота. Это живое, но это не источник жизни, – она усмехнулась и положила свою руку на край его постели, видимо, давая ему право снова прикоснуться к её пальцам.

И он положил свою ладонь вплотную, и Ева коснулась его.

– Куда же смотреть?

– На Бога.

– На Бога?

Стас даже вздрогнул от неожиданности: как всё сошлось в этой точке? Мост, скользкие кроссовки, машина, больница. Потом девушка без лица, дружба, это несчастное крыльцо, рёбра, палата, её слова и... осознание!

– Я понял! – вскочил он до боли резко и даже выдернул руку из объятия её пальцев. – Вот это да! Я понял! Понял!

– Ах-ха-ха! – рассмеялась Ева. – Ты такой смесной. Это же всё очень просто, разве ты не знал таких простых весей?

Стас смутился своей глупой глупости, но в её голосе он не улавливал осуждения, а только привычное ликование всему, что происходит вокруг. Да и обижаться на человека, который так по-детски шепелявит, не получалось совсем.

– Не знал. А ты откуда знаешь?

– От семьи. От мамы и папы, от бабушек и деда. А дед у меня свяссеник. А они все от своих узнали. И так... До самого Адама и Евы, – улыбнулась она, и в голосе её послышалось удивление: – А зачем проходить путь от нацяла и до конца самому? Мозно продолжить тот, который нацяли другие. Дальсе доберёшься, чем в одиночку.

– Пожалуй, – согласился Стас, медленно поднялся с кровати, «вошёл» в тапочки, «впрягся» в коляску, взявшись за рукоятки, и покатил Еву на двор – день горел солнцем, самое время перестать паяться в себя, а посмотреть вокруг. Но не очень настойчиво, а так, чтобы за декорациями разглядеть руку Режиссёра.

Но, только они добрались до середины парка, за их спинами из ниоткуда материализовалась Валентина Павловна и жёстко хлестанула запретом отходить далеко от здания больницы.

Стасик улыбнулся ей. Она так напомнила ему отца, что ему снова захотелось взобраться на ростовский железнодорожный мост, чтобы оттуда сбежать к Богу, сдвинув небесную ткань. Или уж спрыгнуть в Дон. Реке всё равно, она течёт тысячелетиями и видела всякое.

И он продолжил идти, теперь уж вопреки ей ориентируясь на выходную калитку.

Валентина Павловна, чуть ли не гремя землёй под ногами, потопала за ними, пытаясь схватить Стаса за плечо.

Но Стас её не боялся. Он боялся только осуждения значимых для него людей. А вот, когда на него давили, он де-

лал вопреки. И Валентина Петровна пошла быстрее, на ходу увеличивая настройки громкости своего горла, транслирующего возмущённую ругань.

Стас тоже ускорился.

– Эх-ха-ха! – хохотала Ева, догадавшись о происходящем. – Тау, подназми! Летим!

И «Тау» побежал.

Валентина Петровна удивила его, потому что тоже побежала.

Это было смешно и весело, и Стас так хохотал, что глаза его заливались слезами смеха и какого-то детского счастья. Коляска гудела колёсами, как пригородная электричка. Ева заливалась своим переливчатым смехом, а Валентина Петровна, остановившись из-за одышки, кричала вдогонку что-то о главвраче.

Но они уже не слышали. Они вырвались за ограду и мчались по тротуару вдоль шоссе, объезжая удивлённых прохожих.

Потом долго сидели под зонтиком вблизи мороженицы и

пробовали все виды мороженого, которые у неё были.

Стас описывал Еве окружающее. И сам удивлялся виденному: старинные жёлтые дома, блестящие современные машины, лабиринты интернет-проводов над дорогой.

Остановились на небольшой церкви.

– Там прафда церкофь? – переспросила Ева. – А мы можем?

– Можем! – Стас подхватил коляску и, с бойкостью спортивного комментатора рисуя ей всё, что видел, перекатил её на зелёный через пешеходный переход, въехал в церковный дворик, потом в саму церковь.

Внезапная тишина.

Стас ни разу не заходил в церковь, хотя в их семье идеи о Боге никогда не были запретными. Но на эту тему рассуждала только мама, да и то, опираясь на Достоевского.

Отец только молчал. Стасу казалось, что он не отвергает эту идею, но, как будто ждёт убедительного повода поверить. Но не видит его. Может, не туда смотрит, а может ослеп, потому что всё неиспользуемое атрофируется. И не только в

теле, но и в душе.

– Видишь? – спросила Ева зачем-то.

Стас промолчал.

– Ты видишь? – настойчиво повторила она свой странный вопрос.

– Я смотрю, – Стас не знал, что и ответить, и чувствовал себя обязанным что-нибудь увидеть. – Высоко, вверху окошки. Впереди стена из икон. Много икон. И много свечей. И тут никого нет.

– А теперь посмотри не глазами, – посоветовала она. – Без всяких мыслей, а просто душой откройся Богу. Это особое место. Здесь много поколений людей сложили свои души. Здесь всё получается легче. Попробуй.

Стас не хотел пробовать посмотреть на Бога в церкви. Никогда не хотел. Но, в то же время, преемственность и этот образ всего человечества, каких-то поколений, сложивших души в церковное здание, встрепенул его своей жутковатостью.

Он снова обратился к Богу, как там, на мосту. Но Ева ме-

шала ему, и он оставил коляску и прошёл дальше. Внутрь храма.

Иконы, казалось, двигались в тишине, что-то символизировали, что-то пытались донести, но молчали.

«Господи!» – подумал он.

И больше ничего.

И ничего в ответ.

– Тау! – громко прошептала Ева в тишине, и церковное эхо разорвало этот звук на мелочи, для того, чтобы разбросать их всюду.

– Еу... – отозвался он, тоже приводя эхо в трепетное движение.

– Ты видишь?

– Только глазами.

– Закрой их.

Стас закрыл глаза. Воображаемое пространство задрожало.

ло, голодное внимание подметило прохладу, треск масла в лампадах, запах ладана, чьи-то глухие шаги за преградой из икон.

И больше ничего.

Он открыл глаза и посмотрел на свою «мумию». Та едва заметно улыбалась.

– Ничего.

– Это ничего, что ничего, – шёпотом хихикнула она. – Зато ты теперь всё это запомнишь не только глазами.

Обратно двигались не торопясь, но молча: Ева жаждала послушать пение жизни таким, каким его было не слышно во дворе больницы.

У входа в отделение их ждала Валентина Павловна. Она увидела их издалека и, накручивая собственные нервы на собственный кулак, представляла, что и как она сейчас им выскажет. От этого её лицо всё гуще багровело по мере их приближения.

И Стас всё это описывал Еве.

– Интересно, – задумалась она шуточно, потому что тоже не умела бояться Валентину Павловну. – Если мы откатимся назад, она побелеет обратно?

И рассмеялась. Стас тоже.

– Тут важно найти границу! И тогда мы будем до вечера делать шаг вперёд и шаг назад, а она будет мигать, как светофор.

Они расхохотались, сами конфузясь грубости своих шуток.

Но и Валентина Павловна умела быть жестокой.

– Ну, доигрались, идиоты! – свирепо прорычала она, когда Тау и Еуа оказались совсем близко. И бросила Еве, с негодованием глядя в бинты. – Тебе новости, дорогуша! Твой абсцесс повторился, теперь твою тыкву опять будут рубить.

– Как рубить? – поперхнулся улыбкой Стас, не понимая самой сути, потому что ужасное, «завёрнутое» в издёвку всегда выглядит непонятным.

– Да так! И теперь уже неизвестно, что дальше будет! Будешь как та бабуля слюни пускать на асфальт и улыбаться.

Ты думаешь, это шутки шутить по любому поводу? Вот теперь и поулыбаешься!

Она круто развернулась, зеленея на ходу, и ушла в свои больничные лабиринты.

Следующие несколько дней Стас провёл в тревоге. Ему удалось выяснить у Ирины, что Валентина Павловна, хотя и со злом высказала диагноз, а ни в чём не соврала.

– Ну, будешь меня катать, пока не выздоровеешь, – усмехнулась Ева. – Ты же знаешь, где самая смешная плитка на этом тротуаре?

Стас ничего не смог ответить. Его горло стесняло каким-то тяжёлым сгустком крика, желающего вырваться, но не имеющего такой возможности.

– Да ладно тебе, Тау! – успокаивала его Ева. Она завладела его рукой, гладила её, сжимала и дружески встряхивала, как бы ободряя. – Ну перестань, всё хорошо. Мы же этого не боимся, да? Мы боимся зла, чтобы оно в нашем сердце не проросло. А конца мы не боимся, да?

– О чём ты говоришь? – прохрипел Стасик и удивился

чужому голосу в его голосовых связках. – Но... почему? Это не справедливо! Это, правда, жестоко! Как же это?

– Ну что ты? – Ева гладила его по руке. – Всё хорошо! Не смотри на горе. Его нет. Боли не существует!

– Это очень больно! Лучше пусть отпилят мне ноги!

– Ну... куда их деть потом? – хихикнула Ева. – Мне мозги нужны свежие, а не ноги парня. Слушай... Не смотри на отпиленную ногу, она от этого не отрастёт. Лучше отвернись и смотри на Богу. Тогда и ноги шансы появятся.

– Шансы?

– Ну да! Ну, сам подумай, – пустилась она в рассуждения с улыбкой. – Христос воскресил трёхдневного умершего Лазаря. У него же тело уже гнило. Он, говорят, смердил уже. Труп!

Стас промолчал. Он прятал свой голос, чтобы Ева не услышала в нём испуганной дрожи и не увидела, как Стас проваливается сквозь бетонный тротуар и летит в невесомости в чёрные бездны отчаяния.

А она в преддверии рокового улыбалась и удивлялась:

– Не смотри на беду. Ты что? Смотри на Бога, Он веда-ет бедами и счастьями. Смотри на него с надеждой. Не верь обманам. Смотри с верой.

– С верой... – пробормотал Стас.

А следующим утром Еву увезли в операционную.

5. Знаю

Стас усиленно и принуждённо верил. Всеми своими мыслями.

Что вообще значит «верить?» Знать наперёд, что будет всё хорошо, потому что Бог милостив? Но сколько всего происходит ужасного! Даже с глубоко верующими людьми.

И Стас бродил по парку, рассматривал небо во всей его многосложной красоте. И бессмысленно описывал эту красоту себе, превращая видимую гармонию в словесную: готовил черновики и эскизы для Евы.

Ходил, смотрел и всеми силами «верил», внутренне талдыча своим мыслям другими своими мыслями, что всё будет хорошо.

Пока, наконец, не взорвался возмущением против этой безумной иллюзии.

– Нет! – воскликнул он, не сдержавшись и не обращая ровно никакого внимания на прогуливающиеся пациентов. – Не будет!

Не будет «хорошо» или «плохо»! Просто «будет». Но неизвестно, как именно оно будет. И что такое, это любимое всеми «хорошо»? Быть телесно здоровым идиотом на верхушке автомобильной эстакады, или лежать с проломленным черепом в больнице, где есть она? И быть счастливым, живым, наполненным светом, как неоновый фонарь.

Быть несчастной старухой, от которой отказались её взрослые и состоятельные дети и рыдать день и ночь, пока не нарыдаешь опухоль в мозгу? Или без этой части мозга радоваться узорам на тротуаре и прожить последние месяцы жизни в красоте?

Не бывает хорошо или плохо!

Есть просто жизнь. А право судить... Это то, что первые люди выкрали в раю. Адам и Ева! И напрасно, не научились люди этим пользоваться.

Когда Еву уложили на каталку и поволокли в операционную, Стас прорвался за ней, расталкивая шикающих санитарок.

Она услышала возню и его голос, протянула руку в пустоту, приподнимаясь на кушетке:

– Тау!

Впервые её голос был таким взволнованным и испуганным.

Перед возможным забытьём она хотела прикоснуться к нему.

Стас рванулся к каталке, не столько телесно, сколько душевно, потому что его схватили за халат, наброшенный на плечи. И он на мгновение завис в этом сдерживающем сплетении чужих рук, будто упервшись в стену.

Потом вырвался из халата и успел дотронуться до неё, почти схватил её пальцы, скользнув своими по её ладони.

Его, наконец, остановил подоспевший охранник, больно вывернул здоровую руку, но Стас увидел что-то, чего лучше бы ему не видеть: Ева приложила свою ладонь, ещё хранящую тепло его прикосновения, к своему лицу, а потом к губам. Каталка вошла в предоперационную, двери на пружинах запахнулись, превратившись в белую стенку с двумя круглыми окошками, похожими на бессмысленные глаза.

Больше он её не видел.

Но этот жест потом терзал его душу, не давал никого покою и, Стас даже не задумывался, имеет ли он право ощущать сочувствие. Он рыдал от сочувствия, хотя беззвучно и бесслёзно. Да что там? Он молча орал во всё горло своей души, дрожащей в исступлении.

Неделю он слонялся по коридорам, докучал Валентине Павловне и главврачу. Но его пихали вон, грозились вызвать полицию.

Ева лежала после операции под замком. Это понятно, и это правильно.

Но у Стаса совсем не было никаких сведений, потому что ему не положено, потому, что он чужой человек. Потому, что все люди чужие в этом мире.

Правда, всё это позволяло его надежде питаться иллюзиями. Но и мучало жестоко.

– Что ты здесь всё болтаешься? – наконец, сорвалась Валентина Павловна, сгоряча раскрывая врачебные тайны. – Всё уже! Полмозга удалили, там пустая «тыква». Нету её.

– Как нету? Она умерла? – ужаснулся Стас, едва не потеряв сознание от этого внезапного откровения.

– Нет, не умерла. Но её больше нет! Понимаешь, о чём я? Иди к себе. Её нету нигде на всей земле! Только её овощ.

Мир поплыл вспять, как это случилось, когда он пришёл в себя после операции. Стены поползли вверх, а полы насканивали на них, тоже желая сместиться повыше. Но, если на них взглянуть внимательно, они вставали на место, чтобы тут же опять поползти вверх.

Стас схватился за стену, и мир остановился.

Валентина Павловна усмехнулась, и довольная произведённым разрушением, пошла вдоль коридора по своим врачебным делам.

Дальше всё было, как в тумане. Стас в истерике кричал, бежал к палате Евы, стены ползли к потолкам, а руки хватали Стаса, чтобы вернуть его обратно в серую квадратно-кубическую коробочку.

И вернули.

Всё, что он успел увидеть в полуоткрытой двери, это только её руку. Кисть руки. Она лежала без движения. Бледная и на вид даже мёртвая. И такая родная!

Главврач вызвал отца, как плательщика, и тот долго молчал, сидя у кровати Стаса. А Стасик смотрел в потолок, в его 48 пенопластовых квадратов, шесть из которых были серыми, один жёлтым, а остальные белыми.

– Прости меня, – вдруг прошептал отец.

Стас оторвался от плиток и посмотрел на него ошарашенно. Даже с ужасом. Но ничего не сказал.

– Прости, сынок. Я был не прав, – отец глянул виновато из-под бровей. – Когда это с тобой случилось, знаешь... Когда это... Я понял, что сотворил всё это я. Я любил тебя, но я так решил...

Он вздохнул, сидя на стуле, согнулся над коленями, потом спрятал лицо в ладони и замолчал. Его седые волосы, разбосанные в причёску Эйнштейна дрожали на «ветру» кондиционера.

Мысли понеслись в голове Стаса со скоростью пригородной электрички, скрипящей колёсами Евиной коляски – образы замелькали, не успевая превратиться в слова. Ева, Ева. Ева! Отец. Виноват. Кто в чём вообще виноват? И когда всё это началось?

– Я уехал в монастырь, в Оптину Пустынь. Это далеко, под Калугой. Там я молился и бродил по лесу и вдоль реки. Неделю. Там река... И там такой лес! И там столько святых, мощи, мощи. Мученики. Я многое там понял, знаешь? – он усмехнулся и глянул застенчиво, будто собираясь признаться в какой-то безумной странности. – Бог есть!

Сначала Стас хотел усмехнуться, потом согласиться, но в итоге промолчал.

Отец положил свою ладонь на край его постели, на Евино место. И Стас непроизвольно отдернул свою руку, подобрав её к телу.

Отец заметил это движение. Он вообще был пронизательным человеком. Бесчувственным только. Если это совместимо, вообще.

– Ты прости. Оно живёт во мне, это такое чувство жгучее... Ай, – он потёр сердце, сунув руку под пиджак. – Оно всегда со мной. Я искал, как мне его задушить, поэтому не позволял себе никаких чувств вообще. И я всегда старался быть идеальным. Во всём. С детства...

– Твои родители? – смущённый собственной смелостью

спросил Стасик.

– Да. Мой папа, – отец опять глядел виновато, и Стасу от этого взгляда становилось не по себе. – Я, вот старый человек. Я понял, что старость даётся людям, чтобы они смягчились, стали добрыми. Даже злой старик куда мягче и добрее, чем он же в молодости. А папа... Он умер молодым и добрым стать не успел. Он всё время говорил, что я... Он ругал меня часто. Всегда! Он говорил, что я...

– Глупый? – помог ему Стас.

– Да. Что я тупой. Тупой, тупой! И я всю жизнь с этим сражался. Кандидатская, докторская... Потом эта должность. Всё для этого. Я вообще хотел, хех... учителем географии быть. И теперь вижу, знаешь, что мне всё так же больно, как будто вчера. Ничего не помогло! Ни-че-го!

Он замолчал и снова спрятал лицо в свои худые руки, «исписанные», как татуировками, синими рисунками вен.

– Боли не существует, – повторил за Евой Стас. Он не боялся сказать отцу что-угодно, если это что-то принадлежало Еве. Он бы не принял никакой критики в её сторону.

– Да. Да, наверное, – отец глянул на Стаса глазами, влаж-

ными от старческих слёз, которые всегда выглядят неестественными.

Стас поднялся, сел на край кровати, и они какое-то время сидели молча. Два «чужих» человека, душевно зависящих друг от друга, как два альпиниста, связанных одной верёвкой. Но попавших в общую группу случайно и совсем не знакомых друг с другом.

Наконец, Стас решился сделать шаг навстречу. Он положил свою руку на отцовское плечо, стараясь, однако ж, почти не касаться его. Слишком уж чужая это была территория. Даже больше, чем коляска той старушки, чем руки Ирины. Даже, чем жёсткие пальцы Валентины Павловны.

– Тут есть церковь неподалёку, – сказал Стас и поднялся, не дожидаясь ответа.

Отец встал вслед за ним и согласно кивнул.

Шли молча, и Стасик, натываясь взглядом на описанное для Евы, чувствовал, как естественные слёзы теснятся в его душе, как они рвутся наружу, во внешний мир. А мир дрожал вселенной трав, салатowymi листьями акаций, белыми её цветами, жёлтым тряпичным зонтиком у прилавка мороженщицы, беспорядочными паутинами интернет-проводов

над дорогой.

В храме шла какая-то служба и, не имея нужды торопиться, они промолились здесь часа два. Большую часть этого времени Стас простоял на коленях. Закрыв глаза и отдавшись песнопениям, он без слов и мыслей глядел на Бога какой-то плачущей, ищущей утешения частью своей души. И, когда в окончаниях непонятных слов ему слышалось «Ева», перед ним проявлялся смутный образ молодой девушки, хочущей от счастья быть.

И в ответ на это странное моление Стас ощущал словно бы лекарственное облегчение, нисколько не преуменьшающее глубины горя, но примиряющее с действительностью и с Богом.

По окончании службы они, поддавшись всеобщему течению, подошли к священнику под крест. И даже, когда они уже вышли, Стас ощущал на лбу прикосновение этого креста. Будто Бог коснулся его из ниоткуда.

Осталось только собрать вещи.

– Я не могу с ней не попрощаться, – сам не зная зачем, сказал Стас.

Отец задумался, кивнул.

– Я сделаю это, подожди меня на скамейке.

Он всучил сыну купленный у мороженщицы сок в коробочке с трубочкой, и ушёл к главврачу.

Увидеть живые останки Евы – это самое страшное, что мог вообразить Стас. Но бросить всё и уйти он уже не мог.

Потому, что теперь это был совсем другой Стас. Теперь он знал так много, что уже верил. Он уже знал не умом, а сердцем.

6. Чувствую

Стас не мог смотреть. Он прятал взгляд от этих двадцати восьми деревьев, забора и тротуара, который лежит. Он всё это любил, но всё это горело в его душе жутким пожаром.

И он впервые сел на другую скамью, лицом к больнице.

Валентина Павловна мелькнула и исчезла в дверях.

Потом она появилась снова. Не глядя на Стаса, чтобы не встретиться с ним глазами, «выволокла» покосившуюся старушку, «припарковала» рядом с ним.

И он смотрел на коляску и думал, что Бог знает, что делать с нами всеми. А мы сами не знаем ничего. И всякую приснившуюся нам или вымышленную ерунду полагаем за несчастье или за счастье. А получив желаемое, так и не наполняем ничем, кроме пустоты.

Поэтому Он сам делает то, что должно. Хотя и больно нам порой от наших добровольных искажений ума и сердца.

Стас вздохнул и глянул на дверь, надеясь, что отец справится как можно скорее.

Но тот всё не появлялся, и Стасик опустил голову, чтобы не видеть ничего, кроме своих ног в больничных тапочках.

Ирина вывела на прогулку какого-то «свежего», незнакомого ему старичка, усадила на скамейку, объяснила, чего нельзя. Тот кивнул перевязанной головой и уставился взглядом в тротуар.

Стас глянул на её голос, встретились глазами. Она улыбнулась в знак приветствия. Ирина была в коротком отпуске по семейным обстоятельствам, и всё отделение дожидалось её с нетерпением.

Ждал и Стас.

Но не теперь уже.

Потом Ирина выкатила коляску, в которой сидела рыжая девушка с переломами обеих ног. Девчонка оказалась по возрасту близка к Еве, и эта мысль больно резанула его по сердцу.

Вскоре Валентина Павловна укатила и старушку и ту девушку.

А Ирина вывела под руки другую.

Так они выгуливали своих подопечных каждый день.

Стас глянул и на эту. И она была где-то того же возраста. Только ещё и болезненно красивая до жути, хотя и лысая, как и положено «тыкве».

И к горлу Стаса опять подступил ком, и слёзы, наконец, навернулись на глаза, как-то до горяча облегчая душу.

Ведь она тоже была достойна жизни! И больше, чем он сам. Жизни... Потому, что она любила эту жизнь беспредельно, взахлёб, без теней ропота или недовольства. Кто ещё достоин жизни, как не она? Но, теперь живут все, кроме неё!

– Стасик, – позвала Ирина.

Стас взглянул на неё, медленно, как сонный или пьяный, но стараясь смотреть не долго, чтобы она не увидела его слёз.

Ирина, как всегда, радостно улыбалась:

– Не хочешь с девушкой познакомиться! – усмехнулась она. А вслед за нею и поддерживаемая ею девушка улыбалась

во всю ширь хорошего настроения.

Стас отмахнулся от глупой и жестокой шутки, уставился в тротуар и, чтобы как-то облегчить напряжение в горле, которое случается с людьми в минуты тяжёлых переживаний, он пару раз глотнул отцовского сока, присосавшись к трубочке.

Как когда-то это делала Ева.

Однако, хотя и с запозданием, его память поверх плитки, которую он разглядывал, нарисовала только что увиденную картинку. Ирина... Девушка... Смотрит осмысленно, внимательно. Улыбается по-настоящему, будто чего-то ожидает. И что-то в её образе показалось ему близким. Даже родным.

Он резко поднял голову.

Девушка сделала неуклюжий шаг в его направлении, опираясь на Ирину, и вся светясь от какого-то внутреннего ликования, протянула ему руку. Ту, которую он узнал бы из миллиона других.

Коробочка выпала из его рук, звучно шмякнулась, и сок веером разбрызгался по бетонным квадратикам, разбросив на них пятно, которое неплохо было бы рассмотреть.

Ошалелый Стас поднялся, сонно, плохо соображая, и тоже шагнул к ней навстречу.

– Еуа, – представилась она знакомым и милым голосом. Глаза её улыбались. Но, она не парень, ей стесняться нечего. А потому слёзы струйками побежали по её щекам куда-то вниз, в сторону сердца. Куда всегда бегут человеческие слёзы.

Она покачала головой и с каким-то тоскливым умилением провела рукой по его слегка пушистой, небритой щеке.

– Тау, – ответил Стас. Голос его дрогнул, но он скрепился, и рукой прижал её ладонь к своей щеке. – Это... Ты?

– Это я, – улыбнулась она опять, свободной рукой вытерла слёзы и через то будто ожила. И было похоже, что она уже прямо сейчас готова расхохотаться без всякой на то причины. – Теперь, видимо, всё пошло на поправку. Я уже почти здорова.

– Да... – только и смог он сказать. – Верить.

Она высвободилась из рук Ирины, поддерживающей её со спины, и прильнула к нему. И Стас чуть отступил, встав шире, за двоих, и, обняв Еву незагипсованной рукой, чувство-

вал, как густо сегодня воздух наполнен ароматом цветущей акации. Видно, теперь раздались цветы во всю, наконец раскрылись в природной своей полноте.

Так в Ростов приходит лето. Шаг за шагом, постепенно, неторопливо. Но всегда раньше, чем в календаре. И раньше, чем кажется зимой, когда мир выглядит мрачным, синим, серым. Что тут сказать? Иллюзии. А ведь надо просто верить. И будет весна, и будет лето. И всё будет «хорошо».